

Монастырские крестьяне Ростовского уезда в середине XVII в. (По материалам Троице-Сергиева монастыря)

М.С. Черкасова

Подзаголовком к предлагаемой статье могло бы стать: «Опыт демографического микроанализа». В историографии накоплен большой и плодотворный опыт изучения народонаселения России XVI-XVIII вв. по массовым источникам, однако велось оно до сих пор преимущественно на максимально обобщающем макроуровне. Достаточно указать на масштабные работы М.М. Богословского, Я.Е. Водарского, В.М. Воробьева, Ю.В. Готье, А.Я. Дегтярева, В.М. Кабузана, П.А. Колесникова, А.И. Копанева и др. По материалам писцовых и переписных книг, ревизий, ландратских, метрических и исповедных книг ученые рассматривали движение народонаселения (городского, сельского), его увеличение или убыль, направления миграций, рождаемость и смертность в России в целом и в рамках отдельных регионов, губерний, уездов, городов. В научной литературе (исторической, этнографической) выяснились и формы крестьянской семьи, ее поколенно-родственный состав, производственные ресурсы крестьянского двора (В.А. Александров, Е.Н. Бакланова, И.В. Власова, Н.А. Горская, О.Б. Кох и др.)¹.

Большие возможности для исследования указанных проблем в длительной исторической ретроспективе представляет обширный комплекс писцовых, дозорных, переписных и внутривотчинных описаний Троице-Сергиева монастыря XVI-XVII вв. Его архив отличается в целом высокой степенью сохранности материалов практически по всем этапам поземельного кадастра и дворовых переписей эпохи Московской Руси. И не только по ним. В нем имеются также документальные комплексы внутривотчинных описаний конца XVI- первой четверти XVII вв. и конца XVII в., которые также являются ценными источниками по демографической истории, позволяют сравнить показатели народонаселения в независимых по происхождению учетных источниках. В полном объеме исчерпывающее исследование по названным материалам проблем народонаселения крупнейшей духовной корпорации России еще не предпринималось. Как начальный этап такой работы можно рассматривать обращение к документации отдельных уездов.

В отличие от корпуса дозорных 1610-х гг., писцовых 1620-1630-х гг. и переписных книг 1670-х гг., описания Троицких вотчин за 1640-е

гг. в архиве корпорации в целостном виде (как отдельные сборники списков или копий) и во всем территориальном размахе гигантской вотчины не сохранились. Они имеются лишь по некоторым, главным образом, поволжским уездам (Арзамасскому, Свяжскому, Юрьевецкому, включая вотчины приписных монастырей, зафиксированные Описью 1641-1643 гг., – Троице-Казанского, Троице-Свяжского, Троице-Алатырского. Для центра страны Ростовский уезд представляет счастливое исключение, поскольку по нему такое описание имеется в составе обширной переписной книги московского дворянина Никифора Юрьевича Плещеева и подьячего Ростовской съезжей избы Киприана Шапова от 30 января 1646 г.² Книга дошла до нас в списке 1673-1682 гг. за скрепой Ивана Рогозинина (формат – четверка, объем – 1415 лл., конец утрачен). Помимо уезда, переписью было охвачено и посадское население самого Ростова. В уезде было зафиксировано население на поместных и вотчинных землях разной владельческой принадлежности. Основным объектом описания в 1646 г. являлись крестьянские и бобыльские дворы, крестьян и бобылей в них следовало фиксировать «по имяном с отцы и прозвищи», на церковных землях – бобылей и бобылок, на дворничестве – дворников. Перепись 1640-х гг. в России отразила такую важную черту в эволюции учета податного населения, как более полная фиксация мужских обитателей крестьянских и бобыльских дворов, независимо от их возраста. Конкретные же годы, определяющие возраст сыновей, пока не фиксировались, эта черта появится лишь в переписи 1670-х гг.

Согласно итогам переписчиков, в Троицкой вотчине в 1646 г. насчитывалось всего 440 дворов, в том числе 388 дворов крестьянских (в них 1353 поименованных чел.) и 52 дворов бобыльских (105 чел.). Доля крестьян составляла 77 %, а бобылей – 12 %. Доля последних существенно сократилась (в писцовой книге 1629-31 гг. они составляли 26% – несмотря на «деформированный вариант» этой книги, показатели народонаселения в писцовых книгах 1620-1630-х гг. можно считать наиболее достоверными)³. По сравнению с предшествующим описанием (1629-31 гг.), когда было 353 двора, население вотчины к середине XVII в. увеличилось на 20 %, однако уровень его численности конца XVI в. (511 дворов) все еще не был достигнут. Это произойдет лишь к 1670-м гг., поскольку перепись 1677 г. зафиксирует уже 683 крестьянских и бобыльских двора. Зато в 1640–1670-е гг. практически не фигурируют пустые дворы и места дворовые, тогда как в 1620-е гг. доля их была весома: 37% пустых селений и 40% пустых дворов⁴.

Структура сельского расселения в Троицкой вотчине к середине 1640-х гг. полностью стабилизировалась и оставалась практически неизменной до конца столетия. В нее входило 7 сел и 36 деревень (см. их полный список и карту-схему в Приложении, составленную А.Л. Ка-

ретниковым, которому автор выражает глубокую признательность). Они располагались главным образом к юго-западу от Ростова (Савин и Песий станы) и северо-востоку от него (Лутский и Согильский станы). Для двух третей монастырских поселений (в абс. 26) было характерно приречное расположение – по р. Саре, Где, Егори, Пере, Талице, Луту, Печегде и др. Старинная д. Варос (вариант: Варосы), известная еще в XV в., находилась на берегу Ростовского озера поблизости от дворцового с. Поречья, и население этих мест традиционно занималось рыболовством. В д. Варос отмечен единственный, но густонаселенный служный двор из 7 чел. м.п., среди которых указан и государственный крестьянин из с. Поречья с сыном, живущие у дворохозяина «безкабально».

Около 28% деревень (в абс. 12) находились «на пруде» – главным образом в Песьем, Согильском и Лутском станах. Для четырех деревень вообще нет указаний о наличии или отсутствии при них реки. В отличие от описания 1629-1631 гг., перепись 1646 г. не отмечает деревни, расположенные «на ручью», «на болоте», «на суходоле», «на поточке», ограничиваясь только фиксацией прудов, но и это показывает возросшее значение искусственных источников водоснабжения для обеспечения жизнедеятельности человека, характерное для вторичных, более поздних этапов сельского расселения и освоения ландшафта.

Заметное количество пустошей с местами дворовыми в них в 1620-е годы было припущено к жилым селениям, в том числе и пустошей, расположенных «на суходоле», что также свидетельствует о выходе людей на водоразделы. В 1640-х гг. этот вид пустоши вообще и пустоши на суходолах, в частности, совсем не отмечены. Перепись 1646 г. не содержит указаний на крестьян-приходцев, пришлых, новоприходцев, порядчиков, новопорядчиков и т.п., упоминаниями которых буквально пестрят описания 1610-х-1620-х гг. Нет сведений и о сколько-нибудь существенных крестьянских миграциях за пределы владельческих комплексов Троицы в Ростовском уезде. Лишь раз упоминается о бегстве крестьянина в 7154 (1642/43 г.) и возникновении вследствие этого пустого двора (в д. Саврасово-Петрясово)⁵. Два других упоминания имеют отношение к внутривотчинным перемещениям: 1) переводу бобыльской семьи из своего двора в с. Дебалах в служный двор там же; и 2) выходу крестьян д. Поддубной Лутского стана в деревню Берлюковской волости того же стана. Процесс сельского строительства был завершен: лишь одна деревня (Горка Давыдовская) отмечена в 1646 г. как «поставленная вновь после писца» (то есть кн. Звенигородского и подьячего М. Бухарова, составителей писцовой книги 1629-1631 гг.)⁶. О каких-либо починках в 1646 г. не сообщается.

На основе переписной книги 1646 г. можно установить бытовавшие в монастырской деревне формы крестьянской и бобыльской се-

мьи. Используемые переписчиками в 1646 г. термины родства были обычны для источников такого рода: это брат, племянник, зять, шурин. Принятые в семью чужие для нее члены назывались приимыши, захребетники/-цы (если речь шла о женщинах), а также – с определенной степенью условности – пасынки. Фиксация последних (всего 19 чел.) свидетельствует о практике повторных браков среди крестьян. Среди пасынков были и уже взрослые люди со своими семьями, проживавшие во дворе отчима, и несовершеннолетние дети (видимо, дети жены данного дворохозяина от ее первого брака («пасынок такой-то мал»). Иногда у дворохозяина проживало несколько пасынков, между собою отнюдь не родственников («во дворе бобыль Ивашко Федульев, у него пасынок Ивашко Микитин, у него ж пасынок Ониска Олферьев»). В данном случае, вероятнее всего, указаны как раз взрослые женатые пасынки со своими семьями. В другом случае у крестьянина отмечено четыре пасынка – только по именам и с ремаркой «маленки», значит, это были еще дети⁷. Малолетние пасынки могли быть и единственными детьми в данной семье, но могли указываться и среди родных сыновей дворохозяина⁸. Более близкими по родству, чем пасынки, к дворохозяину можно считать племянников (14 чел.). Упоминания захребетников (4 чел. – и со своими семьями, и без них в чужих дворах) говорят нам об определенной имущественной дифференциации в деревне. Чужими обитателями крестьянских дворов являлись и бобыли, но таких случаев в переписной книге 1646 г. замечено не более трех.

Двор и семья обычно совпадали, но изредка в переписи указывалось, что в том же дворе имеется другая изба, значит, какая-то часть его обитателей (семья женатого сына или брата) имела свой дом/избу. В литературе принято выделять три основных типа семей: 1) прямого родства; 2) бокового родства и 3) семьи с неродственниками. Наиболее распространенным типом в изученной нами совокупности семей монастырских крестьян (247 семей, или 56 %) являлась отцовская двухпоколенная семья, состоявшая из супружеской пары с детьми. Ведущие позиции такой тип семьи сохранит и в последней трети XVII в., судя по дворовой переписи 1677 г. (52 %). Следующим по численности типом (14 %) были братские семьи (в абс. 63), состоявшие из женатого брата и проживавших с ним еще холостых младших братьев. Далее для 1646 г. можно отметить 12% семей без сыновей (в абс. 55), хотя, возможно, дочери у них были. 9% семей являлись отцовскими трехпоколенными (в абс. 39). В переписи 1646 г. удалось найти единственное указание на четырехпоколенную отцовскую семью, когда сын имелся даже у внука. Не только сыновья, но и дочери, сестры могли оставаться в отцовском или братском дворе – об этом заставляют догадываться упоминания (хотя и нечастые) зятьев (2 случая). Случалось, что и жены жили

во дворе мужа со своими братьями, являющимися шуринами по отношению к дворохозяину. Иногда возраст шурина был еще детским, то есть сестра с мужем воспитывали его в дополнение к собственным детям. Всего шурины фигурируют три раза.

Число поименованных переписчиками обитателей дворов могло достигать 5-7 и даже 7-9 чел. м.п., то есть общая численность такого двора могла быть 10-14-18 чел. об.п. (главным образом в братских семьях). При всей лаконичности наших известий замедленный процесс семейных разделов в крестьянской среде налицо. В научной литературе он обычно связывается с влиянием податной политики государства в 1640-1670-е гг. – переходом к подворному обложению, который, собственно, и способствовал «сселению» масс крестьянства в один двор. Не исключено, что и сам корпоративный собственник на момент проведения переписи в этом был заинтересован, поскольку речь шла о государственном налогообложении.

Переписные книги являются ценным источником для изучения антропонимии, процесса становления крестьянских фамилий в XVII в. Возрастание самого объема антопонимической информации связано с более полной фиксацией в переписях 1640-х и 1670-х гг. мужских обитателей дворов, включая сыновей детского возраста. В именовании взрослых крестьян-дворохозяев чаще всего используется двучленная формула – личное имя и имя отца: Первушка Федоров, Селиванко Павлов и т.п. Аналогичные наблюдения были сделаны нами и по переписной книге 1677 г.⁹ Реже в переписи 1646 г. встречается трехчленная антропонимическая формула: Кирьянко Петров сын Дубровской, Трофимко Петров сын Дубровской, Онтонко Васильев сын Дубровской. Все трое были указаны – каждый в своем дворе – в с. Дебалы и, несомненно, могут считаться родственниками (родными и, возможно, двоюродными братьями)¹⁰. В том же селе:

- 1) Вавилко Семенов сын Кожин
Ивашко Крисантьев сын Кодин;
- 2) Исачко Васильев сын Соколятин
Фетка Васильев сын Соколятин;
- 3) Онфимко Якимов сын Паршуков
Исачко Якимов сын Паршуков;
- 4) Офонка Фомин сын Охапьев
Васка Фомин сын Охапкин;
- 5) Захарко Прокофьев сын Охапкин
Федорко Яковлев сын Охапкин.

Все приведенные имена обозначали родственников глав семей – каждого – в своем дворе¹¹. Для сравнения отметим, что уже в писцовой книге 1629-1631 гг. в с. Деболы в трех дворах последовательно фигурируют: Васка Охапьев да сын его Вавилко, Тренка Охапьев да

сын его Бориско, Якушко Охапьев да брат его Офонка¹². Различие в написании фамилии в данном случае (Охапкины и Охапьевы) существенного значения не имеют. К 1646 г. у сына Васки Охапкина Вавилки уже появилось три своих сына: отмеченные переписчиками во дворе деда, они именовались «Оска, Олфимко и Харка Вавиловы дети».

В д. Поникарово «на Ласкомери» в переписной книге 1646 г. указаны: Максимко Епифанов сын Глазунов, Климко Епифанов сын Глазунов, Феофанко Епифанов сын Глазунов¹³. Перед нами – сам процесс увеличения дворности селений в 1640–1670-е гг., когда по соседству (в одной деревне или в разных) селились братья, для которых уже возникшая фамилия и/или фамильнообразующее прозвище могли служить родственно-скрепляющим началом. Приведем еще наблюдения о прозвище/фамилии Дворянинко/Дворяниновы, также бытовавшем среди монастырских крестьян. Церковный дьячок Оска *Дворянинов* фигурирует в с. Дебалы в писцовой книге 1629-1631 гг.¹⁴, а прозвище *Дворенинко* в 1646 г. функционировало наряду с фамилией *Дворенинов*¹⁵. В 1677 г. крестьян с фамилией *Дворяниновы* будет уже заметное число. То же можно сказать и о таких фамилиях 1677 г., возникших из прозвищ 1640-х годов, как Балуевы, Белоглазовы, Гогарины, Комовы. Пример их взаимозаменяемости: во дворе Кондрашка Григорьев, *прозвище Гогара*, во дворе Митка Григорьев сын *Гогарин*¹⁶. Вместе с тем в антропонимическом материале переписной книги 1678 г. появится одна новая черта, отсутствующая в 1640-е годы, – это образованные от прежних владельцев крестьянские фамилии типа – Мосальского, Грановитого.

Все прозвища крестьян, указанные в переписной книге 1646 г., приведем в алфавитном порядке: Агейко, Балуй, Баран, Белоглаз, Беляйко, Богдашко, Брязгин, Волк, Гатовка, Гогарин, Дворенинко, Добрынка, Дружинка, Дурачек, Естюня, Жаравль, Заец, Китайко, Коза, Кока, Ком, Конец, Коряка, Ларзыка, Лузаренко, Лотырев, Любимка, Мудыня, Первушка, Плишка, Притыка, Пятунька, Русинов, Сергуня, Томилко, Тренька, Шейка, Шестак, Шишка. Мы видим и широко распространенные прозвища типа Богдашко, Пятунька, Тренка, и прозвища «животного происхождения» типа Волк, Гогара, Заяц, Коза. Некоторые прозвища по аналогии с фамилиями имели суффиксы –ин, –ов, –ев (Брязгин, Котов, Лотырев – «Савка Дмитриев, прозвище Лотырев», Соколятин, Русинов – «Окатко, прозвище Русинов»). Форма «Лотырев» иногда употребляется и как фамилия: «Елисейко Степанов сын, прозвище Богдашко, Лотырев». Аналогично использовалась и форма Котов – как фамилия и как прозвище («Сенка Котов», «Ивашко Марков, прозвище Котов»). Другие формы, являясь прозвищами, выглядят

как имена собственные – Сергуня («Елистратко Яковлев прозвище Сергуня»¹⁷). Их форма (Сергуня, Сергунка, Серешка) функционировала и как личное имя. Один раз удалось заметить включение личного имени в формулу прозвища: «Созонко Еремиев, прозвище Федотко Заец». При всем разнообразии прозвищ в 1646 г. репертуар их в 1677 г. стал еще богаче, а образующиеся от них фамилии – разнообразнее.

Вдовы в переписи поименованы двояко: 1) или по мужу («Марьица Матвеевская жена», «Оксиньца Васильевская жена»), или самостоятельно: «бобылка вдова такая-то, а у нее дети...», «вдова Марьица, а у нее сын...»)¹⁸. Иногда про бобылок с детьми не отмечается, что они – вдовы, возможно, это были просто одинокие матери, не бывшие замужем. О физических недостатках отдельных жителей говорят такие ремарки переписчиков, как «без ноги», «горбун», об умственной неполноценности – «дурачек», о старости – «дряхл», «дряхлой». Слабое физическое состояние могло быть у братьев-бобылей одинаковым: «во дворе бобыль Дружинка Июдин дряхлой; во дворе бобыль Якимко Июдин дряхл»¹⁹. На профессиональные занятия указывают такие определения, как «сапожник» или «дуда» (скоморох), на общественные должности – «земский дьячок».

Таблица 1.

Население Троице-Сериева монастыря в Ростовском уезде по переписной книге 1646 г.

название селения	дворов / людей в них			
	крест-ких	бобыль-ких	служных	прочих
Саввин стан				
с. Дебалы	51/170	10/27	1/5	2/2
д. Новая, ч.б.сц.	19/55	4/7	-	-
д. Агарево	5/14	1/2	-	-
сл-ка Потаповка	7/17	-	-	2/6
д. Варосы	-	-	-	1 / 7
д. Чепуровское	11/34	-	-	-
д. Саврасово Петрясово тож	8/30	-	-	1 д.п.
с. Михайловское Поддубное	16/59	1/1	-	-
Песий стан				
¹ / ₄ д. Горбуновы	1 / 6	-	-	-
Савин стан				
д. Рохово	4/17	2/2	-	-
д. Нагорье	6/28	-	-	-
д. Лиственка	4/18	-	-	-
с. Никольское, ч.б. погост на Талице	4/16	-	-	2/6

д. Филимоново	9/34	-	-	-
д. Гребенкина Ореховская	11/47	1/4	-	-
д. Болохово	12/36	-	-	-
д. Гребенка на пруде	5/19	-	-	-
д. Никитина	16/81	-	-	-
Согильский стан				
с. Поникарово	8/16	10/20	-	4/8
д. Софроново	8/16	4/7	-	-
д. Поратиково	5/12	2/3	-	-
д. Гребенка на р.Шуле	3/7	1/2	-	-
д. Маркелово	5/10	2/3	-	-
д. Хаурово	7/19	2/6	-	2
д. Гусарниково на пруде	10/35	-	-	-
д. Щипачево	6/17	1/3	-	-
Лутский стан				
с. Михайловское Ивашково	11/31	-	-	1
д. Чесноково	6/28	-	-	-
д. Горка Давыдовская	1/5	-	-	-
д. Мишкова Миткова тож	5/13	-	-	-
д. Горка Малая Позулино тож	5/22	-	-	-
д. Поникарово на «Ласкомери»	7/29	-	-	-
д. Остров	4/15	-	-	-
д. Онтипиных детей Кушуриных	5/16	-	-	-
д. Семино	3/8	-	-	-
д. Староселово Нижнее	5/15	-	-	-
д. Староселово Верхнее	4/12	-	-	-
д. Зелендеево Зевендеево тож	8/23	2/3	-	-
С. Берлюково	14/45	1/1	-	-
д. Ивановское	11/34	-	-	-
д. Мордвиново	5/15	-	-	-
д. Мелетино	12/32	-	-	-
д. Кощеево	12/38	1/4	-	-
д. Поддубное	крестьяне вышли в вол. Берлюково	-	-	-

Источник: см. прим.1.

Сокращения: д.-деревня; р.-река; с.- село, сл.-ка – слободка; сц. – сельцо; ч.б. – что было

**

- ¹ Подробнее см.: Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. Очерк 1.
- ² РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 10753. Источник указан и описан: Писцовые книги Восточного Замосковья (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып.3) / Отв. сост. М.Ю. Зенченко. М., 2007. С. 251-257 (автор раздела – В.А. Кадик). Описание Троицких вотчин на л. 598-652. Благодарю О.Н. Адменко, скопировавшую для меня текст на л. 647-652 (М.Ч.).
- ³ Горская Н.А. Указ. соч. С. 65-66.
- ⁴ Черкасова М.С. Сельское расселение и землепользование монастырских крестьян в Ростовском уезде в XVI-XVII вв. // ИКРЗ, 1999. Ростов, 2000. С. 28. Табл.1.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10753. Л. 614 об.
- ⁶ Там же. Л. 599, 651 об.
- ⁷ Там же. Л. 635.
- ⁸ Там же. Л. 602 об.-603.
- ⁹ Черкасова М.С. Монастырские крестьяне Ростовского уезда в конце ХУП в. (По архиву Троице-Сергиевой Лавры) // ИКРЗ, 2006. Ростов, 2007. С. 100-103.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10753. Л. 599 об., 603.
- ¹¹ Там же. Л. 615.
- ¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10750. Л. 833 об.
- ¹³ Там же. Л. 640. Эту деревню не следует путать с одноименным селом на рч. Шулохме в Согильском стане. (Там же. Л. 628 об.).
- ¹⁴ Там же. Кн. 10750. Л. 831.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10753. Л. 641 («Сидорко Степанов сын Дворенинов»).
- ¹⁶ Там же. Л. 646 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 601.
- ¹⁸ Там же. Л. 629 об., 631 об., 638 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 616 об., 618.